

А 276
274

И. А. Бунинъ.

На край
свѣта.

2-е изданіе

102

Издан
Т-ва
Донская Ръчь

цѣна 1 1/2 р.

Изданія Н. Парамонова (Донская Рѣчь) въ Ростовѣ н/Д.

ДИТЯТИНЪ—Статья по исторіи русскаго права	2 р.	50 к.
РУБАВИНЪ—Искорки (сборникъ разсказовъ)	1 р.	— к.
В. АЛЕКСѢЕВЪ—Народовластіе		20 к.
В. АЛЕКСѢЕВЪ—Земские соборы		10 к.
И. ВЪЛОКОНСКИЙ—Разсказы, III т.		60 к.
БУЛГАКОВА—Зара Будущаго		25 к.
БУЛГАКОВА—Современная Японія		20 к.
ВОДОВОЗОВЪ—Всеобщее избирательное право на Западѣ		8 к.
ГАУПТМАНЪ—Сочиненія, томъ 1-й		30 к.
И. ДИТЯТИНЪ—Екатерининская Комиссія		15 к.
ЗВЯГИНЦЕВЪ—Общественное движеніе въ Россіи		30 к.
Н. КАРЫШЕВЪ—Экономическія бесѣды		20 п.
Е. КАУТСКИЙ—Ирландія		15 п.
Б. КАУТСКИЙ—Прот. клас. инт.		30 п.
КАУТСКИЙ—Развитіе формъ государства		10 п.
КИЗЕВЕТТЕРЪ—Изъ исторіи закон. въ Россіи		15 п.
КИЗЕВЕТТЕРЪ—Русское общество въ XVIII столѣтіи		15 п.
КИЗЕВЕТТЕРЪ—XIX вѣкъ въ исторіи Россіи		15 п.
БИЗЕВЕТТЕРЪ—Протопопъ Аввакумъ		8 п.
БИЗЕВЕТТЕРЪ—Кузнецъ-Гражданинъ		15 п.
ЛАВОМЪ—Исторія Французскаго народа		25 п.
ЛАНГМАНЪ—Бартель Туразеръ (драма изъ рабочей жизни)		15 п.
МЯКОТИНЪ—На зарѣ русской общественности		20 п.
ПЕТРУШЕВСКИЙ—Белаяя хартия вольностей		15 п.
ПРУГАВИНЪ—Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крѣпости		8 п.
СТРОЕВЪ—Московское государство черезъ реформы		20 п.
Б. С.—Трудъ и капиталъ		20 п.
ЩЕРБА—Исторія русской шмелы		10 п.
ДИТЯТИНЪ—Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ ист. Московск. госуд.		15 п.
А. ГОРБУНОВЪ—Гарантіи неприкосновенности личности		15 п.
А. ЖИВАГО—Освобожденіе швейцарскаго народа		16 п.

1. БОРОДЕНКО—Примышь	2 п.	23. КОРОЛЕНКО—Ночью	5 п.
2. ДМИТРИЕВА—Майна-вара	3 п.	24. ТИМОВСКИЙ—Среда людей	5 п.
3. ЧИРИКОВЪ—Маленькій грѣшникъ	1 п.	25. РУСОВА—Биографія Гарабальды	4 п.
4. АНДРЕЕВЪ—Бармакотъ и Гераска	11/2 п.	26. СЕМЕНОВЪ—Отчего Парашка не выучилась грамотѣ	3 п.
52. БРЕТЦЕРЪ—Исторія чернаго сюртука	1 п.	27. ЗЛАТОВРАТСКИЙ—Мечтатели	4 п.
6. БРАНДІЕВСКАЯ—Для души	2 п.	28. КУПРИНЪ—Ночная смѣна	3 п.
7. ЧИРИКОВЪ—Сны	3 п.	29. ОЖЕНКО—Гедали	3 п.
82. Н.-ДАНЧЕНКО—Старый замокъ	3 п.	30. ЮШКЕВИЧЪ—Ханма и Юська	2 п.
9. СВИРСКИЙ—Забраванный	2 п.	31. ВЕРЕСАЕВЪ—Въ пути	1 п.
102. ВОСТИНЪ—Ошибка	3 п.	32. ФРАНКО—Самъ виноватъ	1 1/2 п.
11. ДМИТРИЕВА—Ея все знаютъ	3 п.	33. АЛЕКСѢЕВЪ—Изъ за хлѣба насущнаго	1 1/2 п.
12. СТАНЮКОВИЧЪ—За «Щупленькаго»	2 п.	34. СЕРАФИМОВИЧЪ—Стрѣлочникъ	3 п.
13. МИТРОПОЛЬСКИЙ—Вода	2 п.	35. ВЕРЕСАЕВЪ—Въ сухомъ туманѣ	2 п.
142. СЕРАФИМОВИЧЪ—Местъ	3 п.	36. МИТРОПОЛЬСКИЙ—Оторочка	1 п.
15. МЕЛЬШИНЪ—Искорка	3 п.	37. ЯБЛОНОВСКИЙ—Удружила	1 п.
16. МЕЛЬШИНЪ—Чортова Яръ	4 п.	38. ФРАНКО—Хороші зароботокъ	1 п.
17. АНДРЕЕВЪ—Гостинецъ	2 п.	39. МАТЬ (съ армянскаго)	1 1/2 п.
18. АНДРЕЕВЪ—Петля на дачѣ	2 п.	40. ОСТОИ—Подонщикъ	2 п.
19. ДМИТРИЕВА—Мама на войнѣ	3 п.	41. Непрасовъ и Нивитинъ	4 п.
20. АНДРЕЕВЪ—Въ Сабуровѣ	2 п.	42. БУНИНЪ—Байбакъ	3 п.
21. ВЪЛОКОНСКИЙ—Страховка	2 п.	43. ПЕТРОВСКИЙ—Не дался	1 п.
22. ИВАШЕВА—Мой день	2 п.	44. ДМИТРИЕВА—Вѣлыя крылья	2 п.

На край свѣта.

Н. А. Бунина.

Изданіе
Донская Рѣчь
Н. Парамонова
Ростовъ н/Д.

Доволено цензурою, Ростовъ на Дону, 12 Мая 1905 г.

1000

88

11

На край свѣта.

И. А. Бунина.

I.

То, что такъ долго всѣхъ волновало и тревожило, наконецъ, разрѣшилось: „Великій Перевозъ“ сразу опустѣлъ наполовину.

Много бѣлыхъ и голубыхъ хатъ осиротѣло въ этотъ лѣтній вечеръ. Много народу на вѣкъ покинуло родимое село—его зеленые переулки между садами, пыльный базарный выгонъ, гдѣ такъ весело въ солнечное воскресное утро, когда кругомъ стоитъ оживленный говоръ, гудитъ бранью и спорами корчма, выкрикиваютъ торговки, поютъ нищѣ, пиликаетъ скрипка, меланхолично жужжитъ тихой музыкой лира, а важные воля, прикрывая отъ солнца глаза, сонно жуютъ сѣно подъ эти нестройные звуки; покинуло разноцвѣтные огороды и густыя верболозы съ матово-блѣдной, длинной листвою надъ „криницею“, при спускѣ къ затону рѣки, гдѣ въ тихіе вечера въ водѣ что-то стонетъ—глухо и однотонно, словно дуетъ въ пустую бочку; навсегда покинуло родину для далекихъ Уссурійскихъ земель и ушло „на край свѣта“...

Когда на село, расположенное въ долину, легла широкая, прохладная тѣнь отъ горы, закрывающей западъ, а въ долину, къ горизонту, все зарумянилось отблескомъ заката, зардѣлись рощи, вспыхнули алымъ глянецомъ изгибы рѣки, и за рѣкой, какъ золото, засверкали равнины песковъ,—на селѣ прекратилась су-

матоха, скрипъ телѣгъ, торопливый отрывистый говоръ—и народъ, пестряющій яркими праздничными нарядами, собрался на зеленую леваду, къ бѣлой, старинной церковкѣ, гдѣ молились еще казаки и чумаки передъ своими далекими походами.

Тамъ, подъ открытымъ небомъ, между нагруженныхъ телѣгъ, въ многолюдной толпѣ, начался молебенъ, и въ толпѣ воцарилась мертвая тишина. Голосъ священника звучалъ внятно и раздѣльно, и каждое слово молитвы, казалось, проникало до глубины каждого сердца...

Много слезъ упало на этомъ мѣстѣ и въ былые дни. Такъ же молча стояли здѣсь когда-то снаряженные въ далекій путь „лыцари“. Они тоже прощались, какъ передъ кончиной, и съ дѣтьми и съ женами, и не въ одномъ сердцѣ заранѣе звучала тогда величаво грустная „дума“ о томъ, „якъ на Черному морю, на білому камені сидитъ ясенъ соколъ—білозірець“, и „жалібненько квилить—проквиліає“, предвѣщая бѣды и невзгоды путникамъ. Многихъ изъ нихъ ожидали „кайданы турецкіі, каторга бусурманская“, и „сиви тумани“ въ дорогѣ, и одинокая смерть, подъ степнымъ курганомъ, и стая орловъ сизокрылыхъ, что будутъ на „чорній кудри наступати, зъ лоба очи козацкіі видирати“... Но тогда надо всѣмъ витала гордая казацкая воля. А теперь стоитъ сѣрая толпа, забитая нуждою, которую навсегда выгоняетъ на край свѣта не прихоть казацкая, а будничная, горькая бѣдность, эти желтые пески, что сверкаютъ за рѣкою. И какъ на великой панихидѣ, заказанной по самомъ себѣ, тихо стоялъ народъ на молебнѣ съ поникшими, обнаженными головами. Только ласточки звонко щебетали надъ ними, проносясь и утопая въ вечернемъ воздухѣ, въ голубомъ, глубокомъ небѣ...

А потомъ поднялись вопли...

И среди смутнаго гортаннаго говора, нестройнаго плача и криковъ двинулся этотъ странный, словно похоронный, обозъ по дорогѣ въ гору. Въ послѣдній разъ показался „Великій Перевозъ“ въ родной долині—и скрылся... И самъ обозъ скрылся, наконецъ, за хлѣбами, въ поляхъ, въ блескѣ низкаго вечерняго солнца ...

„Великій Перевозъ“ опустѣлъ...

II.

Но говоръ и плачь еще не затихли совсѣмъ. Проважавшіе возвращались домой.

Взволнованный народъ толпами валилъ подъ гору, къ хатамъ. Были и такіе, что только вздохнули и пошли домой торопливо и безопасно... Нотакіхъ было мало.

Молча покорно согнувшись, шли старики и старухи; хмурились суровые, хозяйственные мужики; плакали дѣти, которыхъ тащили за маленькія руки отцы и матери; громко кричали молодая баба и дѣвчата.

Вотъ онѣ двѣ спускаются подъ гору, по бѣлой каменистой дорогѣ. Одна, крѣпкая, невысокая, хмуритъ брови и разсѣянно смотритъ своими черными серьезными глазами куда-то въ даль, по долині. Другая—высокая, худенькая, тихо плачетъ... И онѣ наряжены по праздничному, но ужъ праздникъ кончился, и еще грустнѣе глядѣтъ теперь на этотъ нарядъ похоронъ!

И какъ горько плачетъ дѣвушка, прижимая къ глазамъ рукава сорочки! Она почти не идетъ—каждую минуту спотыкаются на камни сафьянные сапоги, на которые такъ красиво падаетъ изъ-подъ плахты бѣлоснѣжный подолъ.

— Зинька, слухай же!..—говоритъ ей подруга быстрымъ умоляющимъ шопотомъ,—хай ему чортъ, чого ты плачешь?..

Но и у нея сжимается сердце отъ боли; она никого не провожала—ни родныхъ, ни близкихъ, но и она крѣпко сдвигаетъ черныя брови, чтобы не расплакаться; сердце ея тоскуетъ тою непонятною грустью, которую испытываешь въ молодости при отлетѣ птицъ, въ тихія, ясныя зори.

— Та слухай!.. повторяетъ она.

— Отчепись!—почти вскрикиваетъ Зинька злобно. Но плечи ея вздрагиваютъ, и сквозь слезы она прибавляетъ совсѣмъ по дѣтски:

— Охъ, хиба-жь я чаяла!

Развѣ она чаяла, что скоро, какъ въ могилу, проводить Юхыма? Какъ звонко и съ какой неудержимой радостью пѣла она до глубокой ночи, бѣгая съ рѣки и на рѣку съ ведрами, когда отецъ Юхыма твердо сказалъ, что не пойдетъ на новыя мѣста! А потомъ...

— Прокинулись сю нічь,—говорилъ Юхымъ растерянно,—прокинулись воны, Зинька, та й кажутъ: „Идемо на переселеніе!“—„Якъ же такъ, тату, вы жъ казали“...—„Ні, кажутъ, я сонъ бачивъ“...

И сонъ все погубилъ—всѣ молодыя мечты и надежды!

А вотъ на горѣ, около мельницъ стоитъ въ толпѣ стариковъ старый Василь Шкутъ. Онъ высокъ, широкоплечъ и сутуль. Отъ всей фигуры его еще вѣетъ прежней степной мощью, но какое у него кроткое и грустное лицо! Ему вотъ-вотъ собираться въ могилу, а онъ уже никогда больше не услышитъ родного слова и помретъ въ чужой хатѣ, одинокій на старости, и некому будетъ ему глаза закрыть. Передъ смертью оторвало его отъ семьи, отъ дѣтей и внучатъ это переселеніе. Онъ бы дошелъ, онъ еще крѣпокъ, но гдѣ же взять эти 70 рублей, которыхъ не хватило для разрѣшенія итти на новыя земли?

Старики, разсѣянно переговариваясь, каждый съ своей думой стоятъ на горѣ. Они все глядятъ въ ту сторону, куда отбыли земляки.

Ужъ давно не стало видно и послѣдней телѣги. Опустѣла и степь.

Но какая это чудная степь! Даже въ этотъ вечеръ весело въ ней! Весело и кротко распѣваютъ, сыплютъ трели жаворонки. Мирно и спокойно догораетъ ясный день. Привольно зеленѣютъ кругомъ хлѣба и травы, далеко, далеко темнѣютъ курганы; а за курганами необятнымъ полукругомъ простерся горизонтъ, и между землей и небомъ охватываетъ степи полоса голубоватой воздушной бездны, какъ полоса далекаго моря.

— Що воно таке, сей Уссурійскій край?—думаютъ старики, прикрывая глаза отъ солнца, и напрягаютъ воображеніе представить себѣ эту сказочную страну на концѣ свѣта и то громадное пространство, что залегаетъ между ней и „Великимъ Перевозомъ“.

— Чи далеко оды́хали?—соображаютъ другіе и представляютъ себѣ, какъ это медленно тянется длинный обозъ, нагруженный добромъ, бабами и дѣтьми, медленно скрипятъ колеса, бѣгутъ собаки и шагаютъ за обозомъ по мягкой пыльной дорогѣ, пригрѣтой догорающимъ солнцемъ, „дядьки“ въ широкихъ шароварахъ.

Небось и они все глядятъ въ эту загадочную, голубоватую даль:

— Що воно таке, сей Уссурійскій край?

А старый Шкутъ, опершись на палку, надвинувъ на лобъ шапку, представляетъ себѣ среди этихъ возовъ возъ сына и съ покорной улыбкой, отъ которой выступаютъ слезы, бормочетъ все то же:

— Я ему, бачиті, і пилу, і фуганокъ давъ... І якъ хату строить вінъ теперъ знае... Не пропаде!

— Богато людей загинуло!—говорять. не слушая его, другіе.—Богато, богато!..

III.

Темнѣть, и какая-то новая непонятная тишина воцаряется на селѣ.

Теплыя южныя сумерки неясной дымкой смягчаютъ вечернюю синеву глубокой долины; онѣ медленно затухиваютъ эту огромную картину широкой низменности съ темными кущами прибрежныхъ роць, съ тускло-блестящими изгибами рѣчки, съ одинокими тополями, что чернѣютъ, выдѣляясь колоннами, надъ долиной. Старинный „Великій Перевозъ“ сѣрѣть своими скученными хатами въ котловинѣ у подошвы каменистой горы. Смутно, какъ полосы спѣлой ржи, желтѣютъ за рѣкою пески. За песками опять, уже совсѣмъ неясно, тѣмнѣютъ лѣса. И даль становится дымчато-лиловой и сливается съ сумеречными небесами.

Все какъ всегда бывало въ этой мирной долинѣ въ лѣтнія сумерки...

Но нѣтъ, не все! Много хатъ стоитъ темными, забитыми и нѣмыми...

Уже почти всѣ разбрелись по домамъ. Пустѣть дорога...

Медленно бредетъ по ней нѣсколько человѣкъ, проважавшихъ переселенцевъ до ближняго перекрестка.

Они чувствуютъ ту внезапную пустоту въ сердцѣ и непонятную тишину вокругъ себя, которая всегда охватываетъ человѣка послѣ тревоги проводовъ, при возвращеніи въ опустѣвшій домъ. Спускаясь подъ гору, они глядятъ на село другими глазами, чѣмъ прежде,—точно послѣ долгой отлучки...

Вотъ разстилается пахучій дымокъ надъ чьей-то хатой.. покойно и по будничному...

Вотъ красной звѣздочкой, среди темныхъ садовъ, среди скученныхъ дворовъ, загорѣлся огонекъ на селѣ...

Глядя на огоньки и въ долину, медленно расходятся старики, и на горѣ, близъ дороги, остаются одни темные и глухіе вѣтраки съ неподвижно распростертыми крыльями.

Молча идетъ подъ гору, улыбаясь своей странной улыбкой старческаго горя, Василь Шкуть. Медленно отложилъ онъ калитку плетня, медленно прошелъ черезъ дворикъ и скрылся въ хатѣ.

Хата родная. Но Шкуть больше въ ней не хозяинъ. Ее купили чужіе люди и позволили ему только „дожить“ въ ней. Должно быть, это надо сдѣлать поскорѣе...

Въ тепломъ и душномъ мракѣ хаты выжидательно трюкаетъ сверчокъ изъ-за печки... Словно прислушивается... Сонныя мухи гудятъ по потолку... Старикъ, опершись обѣими руками на лавку, согнувшись, сидитъ одинъ-одинешенекъ въ темнотѣ и безмолвіи.

Что-то онъ теперь думаетъ? Можетъ быть, про то, какъ гдѣ-то тамъ, по смутно блѣдующей дорогѣ тихо поскрипываетъ обозъ?

— Э, да что про то и думать!

— Что же дѣлать? Что дѣлать завтра, послѣ-завтра?..

На блѣдно-свинцовомъ фонѣ маленькаго окошечка, выходящаго въ садъ, чернѣютъ силуэты двухъ-трехъ покосившихся намогильныхъ крестовъ. Въ саду, возлѣ хаты, давнымъ-давно почиваютъ вѣчнымъ сномъ почти всѣ его родные... Онъ остался съ ними. Надо поскорѣе къ нимъ, въ ихъ „домовину“, въ дубовую „труну“. Пора на покой, на вѣчный и безмятежный отдыхъ!..

А вдали уже слышны пѣсни.

Звонкій дѣвическій голосъ звенить и замираетъ надъ селомъ за рѣкою:

Ой, зійди зійди,
Ясенъ місяцю! —

плачеть грустная пѣсня, обрывается и замолкаетъ надолго—надолго.

Ночь давно наступила. И вотъ въ тишинѣ приближается та роковая въ каждомъ горѣ минута, когда послѣ слезъ, послѣ перваго потрясенія, затихаетъ на мгновѣніе сердце и вдругъ съ новой, поразительной силой и ясностью сознаетъ свою потерю, свое утраченное счастье и безумно рвется къ нему, и страшно дѣлается человѣку за самого себя.

И въ разлукѣ—что мучительнѣе и больнѣе той минуты, когда вдругъ ясно сознаешь, что разлука эта непоправима, и что жизнь бы отдалъ за то только, чтобъ хоть еще разъ увидать, чудомъ увидать возлѣ себя близкаго человѣка!..

Но кругомъ глубокое молчаніе. Южное ночное небо въ крупныхъ жемчужныхъ звѣздахъ. Темный силуэтъ неподвижнаго тополя рисуется на фонѣ ночного неба. Подъ нимъ чернѣетъ крыша, бѣлѣютъ стѣны хаты. Звѣзды сіяютъ сквозь листья и вѣтви...

IV.

А они еще недалеко.

Они ночуютъ въ степи, подъ роднымъ небомъ, но имъ уже кажется, что они за тысячи верстъ отъ всего привычнаго, родного и покинутаго. Это послѣдняя ночь на степи.

Какъ цыганскій таборъ, расположились у дороги. Распрягли лошадей, сварили ужинъ; то вели безпокойные разговоры, то угрюмо молчали и сторонились другъ отъ друга.

Наконецъ, все стихло.

Въ звѣздномъ свѣтѣ темнѣли беспорядочно сученные возы, виднѣлись фигуры лежащихъ людей и наклоненныхъ къ травѣ лошадей. сторожевые, поставленные на ночь, съ кнутами въ рукахъ, сонно ежились возлѣ телѣга, зѣвали и съ тоскою глядѣли въ темную степь...

Но съ какой радостью встрепенулись они, когда услышали скрипъ проѣзжей телѣги! Землякъ!.. Они окружили его, улыбались и жали ему руки, словно не видались много-много лѣтъ.

Разбуженные говоромъ, подымались съ земли, и другіе, и застѣнчиво скрывая свою радость, тоже толпились у телѣги проѣзжаго, закуривали трубки и были готовы говорить хоть до самого свѣта...

Потомъ опять все затихло.

Взволнованные встрѣчей, засыпали они, закрывая головы свитками, и все думали объ одномъ,—о далекой, неизвѣстной странѣ на краю свѣта, о дорогахъ и о большихъ рѣкахъ въ пути, о покинутомъ селѣ. И казалось, что ихъ сердца незримо звучатъ въ ладъ съ сердцемъ каждаго, кто остался въ селѣ, трепещутъ одной грустью и одними желаніями, братской близостью и братскимъ горемъ.

Холоднѣло.

Глубокая ночь царила надъ степью. Все спало крѣпкимъ сномъ—и люди, и дороги, и межи, и росистые, наклонившіеся хлѣба.

Съ отдаленнаго хутора чуть слышно донесся крикъ пѣтуха. Серпъ мѣсяца, мутно-красный и поникшій на одну сторону, показался на краю неба. Онъ почти не свѣтилъ. Только небо около него приняло зеленоватый оттѣнокъ, почернѣла степь отъ горизонта, да на гори-

79594

зонтъ показалось что-то темное. Это были курганы. И только звѣзды и курганы слушали эту мертвую тишину на степи и дыханіе людей, позабывшихъ во снѣ свое горе и далекія дороги.

Но что имъ, этимъ вѣковымъ, молчаливымъ курганамъ, до горя или радости какихъ-то существъ, которыя проживуть мгновенія и уступятъ мѣсто другимъ, такимъ же, снова волноваться и радоваться и также безслѣдно исчезнуть съ лица земли? Много ночевавшихъ въ степи обозовъ и становъ, много людей, много горя и радостей видѣли эти курганы.

Однѣ звѣзды мерцають, можетъ быть, не безстрастно. Онѣ, должно быть, знаютъ какъ свято человеческое горе!

45. СЕРАФИМОВИЧЪ—Въ бурю . . . 3 п.	87. ЗОЛЯ—Кроть . . . 3 п.
46. ЯБЛОНОВСКИЙ—Конюхъ . . . 3 п.	88. ТАТЬ—Елма въ Америкѣ . . . 3 п.
47. ФРАНКО—На днѣ . . . 9 п.	89. УСПЕНСКИЙ—Будва . . . 3 п.
48. КУПРИНЪ—Молохъ . . . 12 п.	90. КОРОЛЕНКО—Мгновенье и Огонь . . . 3 п.
49. Н.-ДАНЧЕНКО—Воскрес. пѣснь . . . 5 п.	91. ПѢСНИ МИРА.—Сборникъ стихотвореній . . . 2 п.
50. ВЕРЕСАЕВЪ—Повѣтріе . . . 4 п.	92. Н.-ДАНЧЕНКО—Соловьиная ночь . . . 1 п.
51. БЪЛОКОНСКИЙ—Деревня Пе- чалъная . . . 3 п.	93. БЪЛОКОНСКИЙ—Страшное мѣсто . . . 1 1/2 п.
52. ДМИТРИЕВА—Волки . . . 3 п.	94. МИРБО—Бродяга . . . 1 п.
53. СЕРАФИМОВИЧЪ—Стенные люди . . . 3 п.	95. ПОСТУПАЕВЪ—Пѣсни рабо- чей жизни . . . 10 п.
54. МИТРОПОЛЬСКИЙ—На плотахъ . . . 3 п.	96. ТИМКОВСКИЙ—Травля . . . 5 п.
55. КОРОЛЕНКО—Червель . . . 4 п.	97. НАЖИВИНЪ—Волось Ма- донны . . . 1 п.
56. ВЕРЕСАЕВЪ—Звѣзда (восточ- ная сказка) . . . 1 1/2 п.	98. ФРАНКО—Къ свѣту . . . 3 п.
57. ТЕЛЕШОВЪ—Противъ обычая . . . 2 п.	99. ЧИРИКОВЪ—Въ отставку . . . 7 п.
58. ЯБЛОНОВСКИЙ—Въ консуль- таціи . . . 3 п.	100. ЗАРНИЦЫ.—Сборникъ сти- хотвореній . . . 5 п.
59. Пѣсни труда . . . 5 п.	101. АНДРЕЕВЪ—На станціи . . . 1 п.
60. ТЕМНЫЙ—Сиротки . . . 3 п.	102. БУНИНЪ—На край свѣта . . . 1 1/2 п.
61. Только часъ. КРАНДІЕВСКОЙ и др. рассказы . . . 10 п.	103. РУБАКИНЪ—Искорки . . . 5 п.
62. БУНИНЪ—Надъ городомъ . . . 1 п.	104. КОРОЛЕНКО—Марушина за- мка . . . 10 п.
63. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ—Отлетаетъ мой соколикъ . . . 2 п.	105. П. Я. (МЕЛЬШИНЪ)—Израи- льскія стихотворенія . . . 6 п.
64. СТАНЮКОВИЧЪ—Эмигрантъ . . . 3 п.	106. АНДРЕЕВЪ—Въ темную даль . . . 3 п.
65. Избранныя стихотворенія НАД- СОНА и др. поэтовъ . . . 3 п.	107. АНДРЕЕВЪ—Валя . . . 2 п.
66. АНДРЕЕВЪ—Ангелочень . . . 3 п.	108. ВЕРЕСАЕВЪ—Объ одномъ домѣ . . . 3 п.
67. АНДРЕЕВЪ—Жили-были . . . 3 п.	109. КОРОЛЕНКО—Послѣдній лучъ . . . 3 п.
68. СКИТАЛЕЦЪ—Атаманъ . . . 2 п.	110. КОРОЛЕНКО—Морозъ . . . 4 п.
69. СЕРАФИМОВИЧЪ—Въ камы- шахъ . . . 2 п.	111. МЕЛЬШИНЪ—Въ пѣйну . . . 3 п.
70. РУБАКИНЪ—Дѣдушка-Время . . . 7 п.	112. М.-СИБИРЯКЪ—Въ худыхъ душахъ . . . 4 п.
71. ЯБЛОНОВСКИЙ—Завѣтная мечта . . . 3 п.	113. ЧИРИКОВЪ—Бродячій маль- чакъ . . . 5 п.
72. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ—Присяжные засѣдателя . . . 2 п.	114. РУБАКИНЪ—Благопома . . . 12 п.
73. ВЕРЕСАЕВЪ—Къ свѣту . . . 1 п.	115. В. КОРОЛЕНКО—Связаніе о Флорѣ . . . 3 п.
74. СЕРАФИМОВИЧЪ—На льдинѣ . . . 3 п.	116. АНДРЕЕВЪ—Весеннія объ- щанія . . . 3 п.
75. МЕЛЬШИНЪ—Мазенькіе люди . . . 4 п.	117. НАЖИВИНЪ—Ложь . . . 1 1/2 п.
76. БУДГАКОВА—Что за страна Японія . . . 5 п.	118. СУЗДАЛЬЦЕВА—Ослеръ, другъ фабр. дѣтей . . . 3 п.
77. ЯКОВЛЕВА—Свидѣтель . . . 8 п.	119. КРЮКОВЪ—Въ родныя мѣста . . . 5 п.
78. ТЕЛЕШОВЪ—Хлѣбъ-соль . . . 1 1/2 п.	120. КОРОЛЕНКО—Сонъ Макара . . . 6 п.
79. РУСОВА—На счастливыхъ островахъ . . . 6 п.	121. КОНОПНИЦКАЯ—Ятлонъ . . . 1 1/2 п.
80. КОРОЛЕНКО—Соколенецъ . . . 7 п.	122. ЯБЛОНОВСКИЙ—Нухимъ . . . 3 п.
81. ЧИРИКОВЪ—Коля и Коляня . . . 2 п.	123. БУТОШИНЪ—Случай № 212 . . . 1 п.
82. ЕЛЕОНСКИЙ—Огорченіе . . . 3 п.	124. РУСОВА—Какъ болгары до- были свободу . . . 6 п.
83. РУСОВА—Братья Грамки . . . 3 п.	125. КОРОЛЕНКО—На затменія . . . 3 п.
84. ТЕЛЕШОВЪ—Нужда . . . 1 1/2 п.	
85. Избранныя стихотворенія А. ТОЛСТОГО и др. поэтовъ . . . 3 п.	
86. ВОЖЕНКО—На войну . . . 5 п.	

**Главный складъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону, Пушкинская, № 131.**

Лица, выписывающія на 3 р. въ предѣлахъ Европ. Россіи
(просятъ деньги присылать впередъ, можно марками),
за пересылку не платятъ.

**Книжные магазины пользуются 30% скидкой;
при заказѣ на 75 руб. (Европ. Рос.) по желѣзн. дор.
пересылка принимается за счетъ издательства.**

ОТДѢЛЕНІЯ:

Въ Петербургѣ—въ книжн. складѣ О Н Поповой, Невскій, 54.
Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“, Тверская улица.
Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская ул.
Въ Вяткѣ
„ Саратовѣ | книжные склады губернскихъ земствъ.
„ Харьковѣ

